

Оглавление

Глава первая	7
Глава вторая	24
Глава третья	51
Глава четвёртая	64
Глава пятая	80
Глава шестая	100
Глава седьмая	122
Глава восьмая	142
Глава девятая	160
Глава десятая	181
Глава одиннадцатая	203
Глава двенадцатая	226
Глава тринадцатая	248
Глава четырнадцатая	264
Глава пятнадцатая	289
Глава шестнадцатая	310
Глава семнадцатая	328
Глава восемнадцатая	347
Глава девятнадцатая	364
Глава двадцатая	382
Глава двадцать первая	400
Глава двадцать вторая	420

Глава двадцать третья444
Глава двадцать четвёртая458
Глава двадцать пятая476
Глава двадцать шестая495
Глава двадцать седьмая519
Глава двадцать восьмая539

*Посвящается Сильвии Келсо — защитнице чистого
синтаксиса и ярой стороннице Исти.*

Глава первая

Иста встала между зубцами башни и заглянула вниз через стену, — камень крошился под бледными пальцами вдовствующей королевы, — и в бессильном оцепенении смотрела, как внизу ворота замка покидали последние из приглашённых на похороны. Стук лошадиных копыт и прощальные слова эхом разносились по порталу. Обстоятельный брат её — провинкар Баосии, — его семья и свита уезжали в последнюю очередь, спустя две недели после того, как служители богов совершили похоронные обряды и церемонию погребения.

Ди Баосия всё ещё что-то сурово втолковывал управляющему замка, сэру ди Феррею, который, стоя у стремени господина, внимал, несомненно, последним наставлениям. Верный ди Феррей служил недавно почившей провинкаре на протяжении долгих двадцати лет, проведённых ею в Валенде. Ключи от замка и хозяйственных помещений поблёскивали на поясе, охватывающем его отнюдь не тонкую талию. Ключи, принадлежавшие матери, которые Иста некоторое время хранила у себя, впоследствии были вручены старшему брату вместе с бумагами, инструкциями и описями, составленными после смерти великой леди. А он передал их на хранение вовсе не сестре, а старому, доброму и честному ди Феррею. Те

самые ключи, что замкнут ворота замка, оставляя опасности снаружи... а если понадобится, запрет Исту внутри.

Знаете ли, это уже вошло в привычку. На самом деле я больше не безумна.

Нет, ей вовсе не были нужны ни ключи, ни жизнь матери, что ушла вместе с ними. Иста сама едва ли знала, что ей нужно. Но она знала точно, чего боится — быть запертой в тёмном, тесном месте, быть запертой людьми, которые любят её. Враг может покинуть сторожевой пост, халатно отнестись к работе, повернуться спиной; любовь же не признаёт таких оплошностей. Пальцы вдовствующей королевы без устали тёрлись о камень.

Кавалькада ди Баосии вереницей спустилась с холма и вскоре исчезла, затерявшись в мозаике красных черепичных крыш. Ди Феррей развернулся, устало вошёл в ворота и скрылся из виду.

Свежий весенний ветер подхватил прядь пепельных волос Исты и бросил в лицо, прилепив к губам. Королева поморщилась и убрала непокорную прядку под обруч, закреплявший причёску. Украшение сильно сдавливало голову.

В последние две недели стало заметно теплее, но даже это уже не смогло облегчить страдания старой леди, прикованной к кровати болезнью и увечьями. Если бы мать не была так стара, сломанные кости срослись бы быстрее, а воспаление лёгких не так крепко укоренилось бы в её груди. Если бы она не была так хрупка, то при падении с лошади кости остались бы целы. И если бы не её могучая воля, она никогда бы не села на лошадь в таком возрасте... Иста посмотрела на руки и, обнаружив, что пальцы кровоточат, поспешно спрятала их в складках юбки.

Во время погребальной церемонии боги дали знак, что душу старой леди приняла к себе Мать Лето. Так все и ожидали, так должно было быть. Даже боги не осмелились противоречить взглядам усопшей на правила дипломатического

этикета. Иста представила, как провинкара отдаёт приказы небесам, и усмехнулась.

В конце концов я осталась одна.

Иста задумалась над пустотой одиночества, над его страшной ценой. Муж, отец, сын и мать друг за другом сошли в могилу, опередив её саму. Корона Шалиона держит её дочь не хуже погребального венка, и, будь на то воля пятерых богов, она сойдёт с высокого престола не раньше, чем остальные вернутся из подземного царства. Всё кончено. Всё, что нужно было сделать, — сделано. Когда-то Иста была дочерью родителей. Потом — женой несчастного Иаса. Затем — матерью своих детей. И наконец — сиделкой собственной матери. Теперь я никто и ничто.

Кто же я теперь, когда меня больше не окружают стены жизни? Когда они рухнули в пыль и прах?

Что ж, она всё ещё убийца лорда ди Лютеза. И последняя, кто остался в живых из их тайного общества. Вот, что она сделала с собой, вот что ей осталось.

Иста снова перегнулась через стену, камень цеплялся за шёлковые нити её придворного траурного платья цвета лепестков лаванды. Её взгляд притягивала освещённая утренними лучами дорога, начинавшаяся от ворот замка, бегущая вниз по холму, через город, за реку... куда? Говорят, что все дороги — это одна большая дорога. Грандиозная сеть разветвляющихся и пересекающихся дорог, опутавшая страну. У дорог есть два конца. Так говорят. Мне нужна такая дорога, которая не приведёт меня обратно.

Испуганный вскрик заставил вдовствующую королеву оглянуться. Одна из её фрейлин стояла у неё за спиной, прижав руки к губам, широко распахнув глаза, и тяжело дышала после долгого подъёма. Её лицо светилось поддельной радостью.

— Миледи. Я ищу вас повсюду. И... отойдите немедленно от края! ...

Губы Исты изогнула ироничная улыбка:

— Успокойтесь. Сегодня мне не хочется встречаться с богами лицом к лицу. — И не только сегодня. Никогда больше. — Мне с ними говорить не о чём.

Она терпеливо позволила женщине взять себя за руку и осторожно провести вдоль стены по направлению к спуску. Фрейлина, как заметила Иста, постоянно старалась оказаться между краем и своей госпожой. Успокойся, женщина. Я не жажду камней.

Я жажду дороги.

Внезапное осознание поразило её, даже немного испугало. Новая мысль. Новая мысль и я? Все старые мысли казались такими тонкими и затёртыми, что напоминали вязание, которое постоянно распускают, а потом вяжут заново, так что нити истончаются, рвутся, но никогда не становятся крепче и толще. Как она может получить дорогу? Дороги созданы для молодых людей, а не для женщин среднего возраста. Бедный мальчик-сирота собрал вещи и пустился в путь искать сердцу надежду... так начинается множество сказок. Она не бедна и не мальчик, в её сердце нет надежды, и лишь жизнь и смерть могут возместить эту утрату. Хотя, теперь я сирота. Но достаточно ли этого, чтобы дать мне дорогу?

Они повернули за угол и подошли к круглой башне, внутри которой была узкая лестница, ведущая во внутренний сад. Иста в последний раз оглянулась на тощий кустарник и хилые деревца, карабкающиеся по стене замка. Внизу, по тропинке, поднимающейся из неглубокой лощины, слуга гнал к задним воротам замка осла, нагруженного дровами.

В саду матери Иста замедлила шаг и, вырвав руку из заботливой хватки фрейлины, упрямо направилась к скамейке, стоящей рядом с ещё голым розовым кустом.

— Я устала, — заявила она. — Тут я немного отдохну. А вы можете принести мне чаю.

Было заметно, что фрейлина подсчитывает возможный риск, недоверчиво глядя на свою госпожу. Иста холодно нахмурилась. Женщина рассыпалась в любезностях:

— Конечно, миледи. Я скажу об этом горничной. И тотчас же вернусь.

Само собой, вернёшься. Иста подождала лишь до тех пор, пока леди завернёт за угол, затем вскочила и побежала к задним воротам.

Привратник как раз впускал внутрь слугу с ослом. Высоко подняв голову, Иста проследовала мимо, даже не обернувшись. Сделав вид, что не расслышала робкого возгласа привратника «Миледи?..», она быстро зашагала по бегущей вниз с холма дорожке. Шлейф юбки и развевающаяся пелерина из чёрного бархата цеплялись за ветки и колючки, которые, словно когтистые лапы, пытались остановить её. Скрывшись за первыми деревьями, Иста перешла на бег. Будучи девчонкой, она часто бегала по этой дорожке вниз к реке. В те времена она ещё не была кем-нибудь для кого-нибудь.

Приходилось признать — теперь она уже не девочка. К тому времени, когда сквозь ветви блеснули воды реки, она уже успела продрогнуть. Иста пошла вдоль берега. Как и раньше, тропа вела к старому мостику, а потом поднималась по холму к одной из главных дорог, ведущих в Валенду. Или из неё.

Дорога была грязной, испещрённой следами копыт. Может быть, именно здесь некоторое время назад проехала кавалькада брата, направляющаяся в его фамильные владения в Тариуне. На протяжении последних двух недель брат всячески старался убедить сестру, а ныне вдовствующую королеву, отправиться вместе с ним, обещая отвести ей комнаты в замке, выделить множество фрейлин и окружить её бдительной заботой. Как будто здесь у неё не было покоев, фрейлин и повсеместного надзора. Поэтому Иста направилась в другую сторону.

Придворные траурные шёлковые туфельки совсем не годились для сельских дорог. Юбки обвивались вокруг ног, и создавалось впечатление, что шагаешь, продираясь сквозь толщу воды. К подошвам приставала грязь. Солнце немилосердно жарило облачённую в бархат спину, и Иста совершенно неподобающим для леди образом вспотела. Она продолжала идти, но ощущение неудобства и сознание собственной глупости росли. Это же безумие! Именно из-за безумия её заперли в замке и окружили безмозглыми фрейлинами. Разве не достаточно она от него натерпелась? У неё нет ни смены одежды, ни плана, ни денег, ни одной медной монетки! Иста коснулась ожерелья, обвивавшего шею. Вот деньги. Да, украшение стоит слишком дорого. Что может за него дать простой ростовщик? Сейчас драгоценности не источник богатства, а мишень, приманка для разбойников.

Скрип телеги заставил Исту оторваться от выискивания сухих участков между лужами. Фермер погонял плотного тягеловоза, который вёз компост для удобрения полей. Крестьянин даже обернулся, недоумённо разглядывая леди в дворцовом облачении. Иста ответила ему величественным кивком. В конце концов, что ей оставалось? Она едва не расхохоталась, но мужественно подавила неуместный смех и продолжила путь. Не оглядываясь. Не осмеливаясь оглянуться.

Она выдержала ещё час, прежде чем ноги, измученные весом тяжёлого платья, наконец отказались идти дальше. Иста была готова расплакаться от отчаяния. Нет. Я не знаю, как это делается. У меня не было возможности научиться, а теперь я слишком стара.

Стук копыт несущихся галопом лошадей, крики. В голове молнией пронеслась мысль, что ещё одна вещь оставлена без внимания — оружие, хотя бы простой кинжал, чтобы защищаться. Иста представила себе, как обороняется подобранным оружием от человека с мечом, любого человека с мечом,

и поморщилась. Воображение нарисовало очень короткую сцену. Едва ли стоило об этом беспокоиться.

Иста бросила взгляд через плечо и вздохнула. К ней, разбрызгивая грязь в разные стороны, скакали сэр ди Феррей и грум. Не настолько она безумна или глупа, чтобы пожелать появления разбойников вместо них. Может быть, беда как раз в том, что она недостаточно выжила из ума. Настоящее умственное расстройство не имеет преград. Быть не в себе настолько, чтобы пожелать не быть достаточно невменяемой, чтобы понять... теперь это безумие единственно бесполезно.

Вина кольнула сердце Исты при виде красного, перепуганного, потного лица ди Феррея, который осадил коня рядом с ней.

— Госпожа моя! — воскликнул он. — Миледи, что вы тут делаете? — Он буквально выпал из седла, чтобы схватить её за руки и заглянуть в глаза.

— Я очень устала от тоски, царящей в замке. Решила в одиночестве прогуляться по весеннему солнышку.

— Миледи, но вы прошли пять миль! И эта дорога совсем вам не подходит...

Это верно, а я не подхожу ей.

— Ни фрейлин, ни охраны, пятеро богов! Как же ваше положение в обществе, безопасность?! Пожалейте мои седины! Из-за вашего поступка у меня не осталось ни одного тёмного волоса.

— Приношу извинения вашей шевелюре, — сказала Иста, действительно начиная раскаиваться. — Ни ей, ни вам не нужно обо мне так беспокоиться, милый ди Феррей. Я просто... хотела прогуляться.

— В следующий раз сообщите об этом мне, и я всё устрою...

— Я сама справлюсь.

— Вы — вдовствующая королева Шалиона, — твёрдо объявил ди Феррей. — Вы, благодарение богам, — родная